

Галина Элиасберг

Москва, Россия

АЙЗИК МЕИР ДИК КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬ И НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Айзик (Ицхак) Меир Дик (1814—1893) — старший современник и земляк прославленного классика еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима, соратник Адама Лебенсона, М. А. Гинзбурга и других представителей кружка еврейских просветителей в Вильне¹. В своих размышлениях о деятелях первого поколения виленских *маскилим Дик говорил о себе как о «младшем среди писателей», перефразировав библейскую строку «в доме отца моего младший» (Суд. 6:15)².

Айзик Меир, сын *кантора Ноаха Дика, был уроженцем Вильны³. В справочных изданиях обычно указывается, что писатель родился в 1814 г., однако на его надгробии годом рождения был записан 1807⁴, и лишь в конце 1920-х появились публикации Ш. Нигера и П. Кона⁵, оспаривавшие эту датировку в пользу более поздней. Будущий писатель вырос в глубоко религиозной многодетной семье. У Айзика Меира было пятеро братьев, достигших взрослого возраста, он был средним из них. По обычаям того времени обучение детей начиналось в *хедере с изучения *Гемары. Отец Ноах Дик более сорока лет был кантором в виленской синагоге Завлс-шул, называемой по имени уважаемого горожанина гвира (богача) Завла Гермейза. Помимо этой почетной в еврейской общине обязанности кантора, которая, правда, не приносила особого дохода, Ноах Дик успешно торговал зерном. Известно, что в юности Айзик Меир помогал отцу в торговых делах⁶. Позднее о мире своего детства, о зимних забавах, о хлопотах родителей при подготовке к *Пуриму, о виленских обычаях проведения праздника, о своих детских шалостях и следовавших за ними наказаниях как дома, так и в хедере, о требовательном нраве своего отца писатель будет с улыбкой вспоминать в рассказе «Пурим-шпигл» (1870)⁷. По обычаям того времени юноши рано женили. Несколько лет он провел в доме своего тестя в небольшом литовском городке Жупроне. В его первом рассказе на древнееврейском языке «Зифрона» (написан, вероятно, в 1840 г., опубликован в 1868 г.) много автобиографических деталей. В кратком вступлении к рассказу указывается, что это история о том, как сам автор в дни своей юности принимал участие в скандале, случившемся на праздник *Симхат-Тора в его городке.

После смерти первой жены А. М. Дик женился на дочери зажиточного *хасида из Несвижа. Этот город стал местом действия его рассказа «Ди беhole» («Паника», 1867), сюжет которого основан на истории из николаевской эпохи, когда в 1835 г. был издан указ, запрещавший вступление в брак девушкам до 16 лет и юношам до 18 лет. Евреи восприняли этот указ как великое бедствие. И вот община городка с вымышленным названием Харас, под которым скрывался город Несвиж, принимает собственные меры для спасения «несчастливых детей»: всех

малолетних детишек было решено срочно переженить. В этом сатирическом рассказе высмеиваются нелепые поступки обитателей городка, соглашавшихся на неравные браки своих детей, а также лихорадочная деятельность местных раввина и резника, наспех и путано исполнявших требования свадебного обряда⁸. Мемуаристы отмечали, что Дик обладал прекрасной памятью. За свою долгую жизнь он стал очевидцем многих исторических событий: Польского восстания 1831 г., первого рекрутского набора 1827 г. и николаевских реформ 1835 г., получивших в народе определение «*Behola*»⁹. Многие из этих событий легли в основу произведений будущего писателя.

Известно, что Айзик Меир хорошо знал *Талмуд, раввинистические комментарии, читал *каббалистические книги. Зажиточный тесть обеспечил Дику возможность посвящать все время учению. Но тем не менее в Несвиже, как и прежде в Жупроне, когда молодой человек впервые оказался вне строгого присмотра отца, он продолжал тайно заниматься светскими науками и знакомиться с сочинениями *маскилим*. Здесь он решил самостоятельно учиться читать на польском и русском языках, начал изучать немецкий у местного ксендза. В дальнейшем, уже в зрелые годы, писатель часто сетовал на то, что его отец связывал будущее сына исключительно с преподаванием *Торы и еврейской традиции. В те годы взгляды А. М. Дика едва ли можно было назвать радикальными, но в небольшом хасидском городке его уже готовы были считать «еретиком».

В конце 1830-х гг. он с женой переезжает из Несвижа в Вильну, где живет на заработки от преподавания древнееврейского языка в нескольких богатых семьях. Среди его учеников был и Маттияху Страшун (1817—1885), будущий меценат и библиофил, собравший уникальную библиотеку по *иудаике. Отметим, что и в дальнейшем писатель поддерживал с ним дружеские отношения. В среде виленских *маскилим* А. М. Дика приняли весьма доброжелательно, и вскоре он приобрел авторитет и уважение благодаря своим блестящим знаниям древнееврейского языка, остроумию и искрометным афоризмам. Его афоризмы стали всеобщим достоянием, и современники в своих воспоминаниях неоднократно приводили полюбившиеся им высказывания. Так, писатель Шмуэль Лейб Цитрон (1860—1930) в мемуарах «Драй литерарише дойрес» («Три литературных поколения») вспоминал слова Дика, говорившего, что сам он любит шутки, анекдоты, афоризмы: ведь нельзя же быть только моралистом, наставником на пути истины и благонравия, однако бедное еврейство измучено заботами, вечными поисками пропитания, людям некогда шутить и смеяться. «Вы знаете, что мы почти разучились смеяться? — спрашивал Дик своего собеседника. — Готовы рассмеяться только Иван и Сташ. Но *реб Исроэль лишь вздыхает. А мне бы хотелось, чтобы и реб Исроэль научился смеяться»¹⁰. Абрам Израилевич Паперна (1840—1919), уроженец Копыля, соседнего с Несвижем города, в мемуарах «Из николаевской эпохи» неоднократно приводил изречения Дика, в том числе и полное горечи замечание писателя: «Каждого еврея можно зря повести в больницу, облачить в больничный халат и колпак и положить на койку, — уж там врач, пощупав его, непременно найдет у него какой-нибудь недуг; точно так же каждый городской может смело взять за ворот любого еврея и потащить его в участок: уж какой-нибудь обход закона за ним окажется»¹¹. Рассказывали, что А. М. Дик, встретив на улице нищего христианина, хилого, безносого и с искривленною спиной, воскликнул: «Ах, как у “них” все пропадает даром! У нас такой редкий экземпляр был бы, верно, раввином или дайоном [раввинским судьей]»¹². Его

афоризмы и анекдоты нередко воспринимались как народные. Например, в двухтомнике И. Х. Равницкого «Идише визн» («Еврейские анекдоты») можно встретить то, что сочинял и рассказывал Дик. Он один из первых заинтересовался еврейским фольклором¹³, стал собирать народные анекдоты и сам выпустил несколько сборников анекдотов: «Блитснде визн, одер лахпилн» («Искрометные шутки», 1867), состоящий из 55 шуточных историй, «Анекдоте» (1879), «Ди драй захн» («Три вещицы», 1879), «Витсе ибер витсе одер анекдотен» («Шутка за шуткой», 1887), включающий более пятидесяти еврейских и нееврейских источников; здесь же можно упомянуть и книжку «Ди *литвак ин Волиниен» («Литвак на Волини», 1870), содержащую шутки и забавные рассказы о невежестве и глупости простых обитателей местечек. Кстати, легендарный виленский *баджен Мотка Хабад был его приятелем и соседом¹⁴.

Уже в 1840-е гг. в Вильне молодой писатель открыто заявил о себе как об активном приверженце *Гаскалы. Известно, что на непродолжительное время он был подвергнут аресту по требованию влиятельных виленских ортодоксов, но благодаря ходатайству его друзей перед губернатором был освобожден. Еще в середине 1830-х гг. Дик организовал кружок *маскилим*, который затем стал основой для *реформистской общины. Он был и среди тех, кто писал письмо министру просвещения графу Уварову, в котором говорилось о необходимости реформы еврейского образования. 23 июля 1843 г. Дик вместе со своими единомышленниками, среди которых были также М. Страшун, Н. Розенталь, М. Гинцбург, И. В. Гаркави и др., передал товарищу министра народного просвещения князю Ширинскому-Шихматову прошение с требованием отмены ношения евреями традиционной одежды, в котором, в частности, говорилось следующее: «Каждый из нас, нижеподписавшихся, имея счастье, по особенному случаю, воспользоваться некоторым образованием, живучи среди своих единоверцев, успел почерпнуть то сознание, что первою преградою к образованию евреев есть их странный, от прочих отличающийся костюм, и что все средства, предпринятые к образованию этого народа, могут оставаться бесплодными до тех пор пока еврей [не] переоденется подобно образованным своим согражданам»¹⁵. (Этот исторический документ был опубликован в первом номере журнала «Пережитое» в 1908 г.) Податели сего прошения уверяли, что переделка длинного кафтана на короткий не будет обременительна даже для бедняков, а отказ от ношения дорогих шелковых кафтанов и меховых шапок, «которые стоят от 10 до 30 руб. серебром», не будет «доводить евреев до разорения». Нельзя не обратить внимания на то, что просители, сознавая «всю пользу от перемены одежды», сообщали, что сами они на этот шаг решиться не могут, поскольку опасаются «преследований суеверов». Отметим, что уже через год был установлен денежный сбор «за ношение еврейской одежды»¹⁶.

В 1846 г. по случаю приезда в Вильно сэра Мозеса Монтефиоре¹⁷ А. М. Дик участвовал в подготовке доклада о положении виленского еврейства «Мацав ир Вилна ба-итим ха-елех»¹⁸, в котором критиковались действия властей по решению проблем еврейской жизни. Впоследствии в статье на иврите «Ха-ореах» («Гость», 1860) писатель красочно описал встречу дорогого гостя и его супруги. В 1848 г. в Берлине в журнале «*Kerem Emed*», выходявшем под редакцией Шнеура Зака, был анонимно издан его сатирический трактат на иврите «Масехет аниим» («Трактат о бедности»), пародировавший Вавилонский Талмуд. Эта острая сатира вызвала бурю негодования и доставила Дикю репутацию величайше-

го еретика. «Рассказывали, что отец редактора “*Kerem Emed*”, Цемах Закс, человек, хотя и принадлежавший к партии прогресса, но стоявший твердо на почве талмудизма, по прочтении этой пародии разорвал свою одежду и отбыл по всем правилам траур, оплакивая таким образом дерзкое оскорбление, нанесенное Талмуду» (А. И. Паперна)¹⁹. Еще через два года увидел свет его второй сатирический трактат «*Масехет ейн кесеф*» («Трактат о безденежье», Житомир, 1850).

Хотя Дик был прекрасным знатоком древнееврейской литературы и языка, но для широкой читательской аудитории он стал писать на «жаргоне», т.е. *идише. Возможно, подобное решение было подсказано тем обстоятельством, что участь писавших на древнееврейском в те годы была нелегка: авторы сами вынуждены были продавать свои сочинения, обращаясь в дома богатых людей. Именно об этой нелегкой доле сетовал Ицки Авремл — герой повести Менделе Мойхер-Сфорима «Маленький человечек», когда судьба привела его в дом благородного, но бедного *гера Гутмана, сочинявшего трактаты на иврите. Мальчишка готов был принять любые муки, лишь бы не стучаться в двери богачей, предлагая им труды своего наставника. Но главное, начиная с 1860-х гг. еврейские типографии все охотнее печатали книги на идише, понимая, что на них есть спрос на книжном рынке.

Первые публикации Дика на идише, появившиеся в 1850-е гг., были анонимными²⁰. В 1851 г. он получил должность преподавателя в государственной школе для еврейских детей с годовым доходом в 225 рублей, где проработал тринадцать лет — с 1851 по 1864 г.²¹ После потери должности в 1864 г. Дик был вынужден задуматься о дальнейшей деятельности и решил подписать контракт с типографией Ромма, по которому он обязался предоставлять по одной брошюре в два-три листа в месяц, получая в виде гонорара по три рубля за штуку. Издания его книг были лубочные, печатались на самой дешевой бумаге тиражом в 4—6 тыс. экземпляров, продавались по 5—6 копеек и потому были доступны широкой народной массе. Книги Дика публиковались в основном в типографии Роммов, значительно реже — в типографиях Дворжеца, Фина, Розенкранца. Только в 1868 г. писатель решил указать свои инициалы «А. М. Д.», которые вскоре в пределах книжного рынка еврейской *черты оседлости стали подобно знаку торговой марки, свидетельствующему о качественном товаре. При этом в материалах Цензурного комитета за тот же год без указания имени автора были упомянуты 12 его публикаций²².

В то время наиболее ярко обозначился парадокс в личной судьбе писателя: если в молодости он принадлежал к радикальному крылу *маскилим*, надеявшихся на помощь властей в борьбе с отсталым традиционным укладом, то в своем литературном творчестве, как и в быденной жизни, он оставался «человеком с прошлым». Писатель А. М. Дик в какой-то момент понял, что переход к новому укладу — процесс длительный и сложный. Сам он никогда не сбрасывал бороду, носил длинный сюртук и ермолку, строго придерживался религиозных предписаний.

В десятках своих рассказов писателю удалось создать особый авторский образ: образ ученого мужа, авторитетного знатока и мыслителя, благочестивого отца семейства, добродушного домоседа, который готов поделиться с читательницами своими жизненными наблюдениями и тем, что ему удалось узнать полезного и назидательного из прочитанных книг. Дик создал и обобщенный образ своей читательской аудитории: почти каждый его рассказ предварялся торжественным и многословным обращением к «дорогой читательнице»; свои поучительные сентенции, передающие определенный нравственный урок, автор помещал не только в начале или в конце рассказа, но вступал в разговор с читательницами

и по ходу своего повествования. Для того чтобы привлечь публику и не вызвать у нее подозрений в том, что перед ней «запретная книга», писатель стилизовал свои произведения под старые назидательные сочинения. Старый стиль ритмировался и в названии, и в оформлении книги. Его несложные, наивные рассказы быстро стали популярны. «Самый популярный писатель, — утверждал С. И. Фин, — есть Дик. Виленская хозяйка, выходя в пятницу с корзинкою на рынок для закупки на субботу овощей, пряников и тому подобного, не преминет приобрести также за несколько копеек что-либо “диковское”, как самого лучшего из “субботних лакомств”»²³.

В одном из рассказов 1861 г. сам А. М. Дик писал, что обратился к *идиш-тайч, чтобы быть услышанным «дочерями Израиля», у которых есть для чтения лишь переводы Пятикнижия. А. И. Паперна вспоминал, как на заданный им вопрос, почему писатель предпочитает неуклюжий жаргон благозвучному древнееврейскому языку, Дик ответил: «Разрушить старое здание можно только ударами грубого топора, а не уколами тонкой золотой булавки». А в одной из бесед писатель с усмешкой сказал ему: «Вы в раввинском училище учитесь двум зыкам, из которых один — язык страны, откуда нас выгнали, а другой — язык страны, куда нас не пускают... Напрасно пренебрегаете жаргоном... Жаргон — это старый, незатейливый посох вечно гонимого народа нашего. Опираясь на него, наши предки переходили с запада на восток, спасаясь от гонений крестоносцев, а потом после резни Хмельницкого и Гонты тою же дорогой шли с востока на запад, везде находя у понимающих их и сочувствующих им братьев-единоверцев помощь. Вы полагаете, что посох этот уже нам не нужен? Я этой уверенности не имею»²⁴.

Уроженец Копыля Александр Паперна, говоря о круге своего чтения в 50—60-е гг. XIX в., вспоминал, как однажды для маленькой девочки Гинделе, которой тоже хотелось читать разные книжки, а не только переписывать тексты из письмовника на идише «Бривенштелер», он купил у разносчика — мойхер-сфорима (который, кстати, и был прототипом Менделе-книгоноши в произведении его знаменитого земляка Ш. Я. Абрамовича) две книжки Дика «Хацкеле алейн» («Сам Хацкесес») и «Реб Шмайе, дер Гут-Йонтев-Битер» («Шмайя — горький попрошайка Гут-Йонтев»). Эти рассказы обошли весь город, имена их героев сделались нарицательными, а отдельные выражения вошли в поговорки. В субботние дни их читали юноши, с удовольствием слушали женщины и даже отцы семейств. «Один молодой смельчак, — вспоминал А. Паперна, — однажды даже прочел «Хацкеле алейн» с амвона в *клаузе, когда старики-ригористы отсутствовали. Присутствующие сначала были возмущены этой неслыханной дерзостью, но, вслушавшись, смеялись, хватались за бока и уж конечно дослушали до конца. Я и мои товарищи были удивлены действием жаргонных рассказов Дика на народ. Правда, действие это было поверхностное, неглубокое, зато широкое, захватывающее массу... Он даже ничего не придумывает, берет обыденные явления, повседневные фигуры и только умело их сопоставляет, группирует в нарисованной им картине — и у кого есть глаза, тот видит в ней современное общество, его изъяны, его недуги»²⁵. Можно обратить внимание, что Паперна подчеркивает здесь мастерство Дика как бытописателя, узнаваемость и безыскусность его героев.

Непреренно обращаясь к цитатам из священных текстов и раввинистических комментариев, А. М. Дик сумел создать своеобразные рассказы-проповеди. Ему удалось заполнить неизбежную брешь, которая могла возникнуть между священным текстом и рассказом из обыденной жизни. Составленная американским лите-

ратуроведом Д. Роскесом аннотированная библиография книг А. М. Дика (1980) включает более 200 изданий, которые распределены на несколько жанровых групп²⁶. Одну из них составляют произведения гомилетического²⁷ характера, продолжающие традиции **мусар-сфорим*, переводы с иврита классических этических сочинений, в содержании которых тем не менее различимы просветительские предпочтения, например: объяснения событий с точки зрения рационального мышления, неприятие фанатичной веры и предрассудков, вера в высокие моральные идеалы, демонстрация пользы производительного труда. Эта группа представлена более чем двадцатью изданиями, большей частью выпущенными в первое двадцатилетие писательской карьеры Дика, т. е. в середине 1850—1870-х гг. Наиболее яркими из них стали две книги, толкующие религиозные предписания для женщин «Диней хале» («Законы халы») и «Сэфер хойвес ношим» («Обязанности женщин», 1861), а также «Сэфер хилкес дерех эретс» («Книга законов благочестия», 1871) и «Диврей иойшер» («Слова благочестия», 1863), излагавшие общие этические и практические наставления. Кроме того, с этой группой соотносятся и переводы на идиш писем Рамбана²⁸, Виленского Гаона, адаптированное изложение сочинений М. Х. Луццатто, ибн Габироля²⁹. Более двадцати изданий представляют собой переводы и переложения традиционных легенд и сказаний, например: «Сэфер койрес Ерушолаим» («Книга древностей Иерусалима», 1862), пересказывающая иерусалимские легенды, или «Алте идише заген одер сипурим» («Старинные еврейские сказания», 1876) — переложение средневековых легенд, а также назидательные повествования, следующие моделям народных легенд. Так, в рассказе «Дер иойред» («Бедняк», 1855) повествуется о скитаниях разорившегося из-за пожара купца из Никольсбурга. Вопреки предостережению раввина о том, что привычка жить на подаяния губительна, герой все же отправляется просить помощи, заручившись письмом от общины, в котором подтверждалось происшедшее с ним несчастье. Однако надежда на «хлеб подаяния» принесла только горе: попрошайничеством ничего нельзя добиться — таков моральный урок повествования о Цадоке Пиканте. Следующую небольшую группу, примерно десять рассказов, образуют повествования историко-этнографического характера, в значительной степени основанные на личных воспоминаниях автора, например: истории из николаевской эпохи в уже упоминавшемся рассказе «Зифрона» (1868) и в «Дер ерштер набор» («Первый рекрутский набор», 1871).

Большую группу (более 30 изданий) представляют сатирические сочинения и пародии, призванные продемонстрировать негативные стороны старого уклада жизни, слабость экономической основы традиционных еврейских занятий, моральное разложение внутри общины, что ярко различимо в таких произведениях, как «Ди нахт фун тес вов Кислев» («Ночь на 15-е Кислева», 1868) и «Реб Шмае, дер Гут-Йонтев-Битер» (1860). Эти произведения не только полюбились простым читателям, но и получили широкое признание в просветительской среде, поскольку именно сатира стала доминирующим жанром в литературе Гаскалы в России.

Просветительским задачам соответствовали и книги путешествий (11 изданий), представлявшие адаптированные переводы с европейских языков и знакомившие еврейского читателя с другими странами и чудесами света (например, «Иейей хаям» («Острова в море», 1856) — дневник путешествия в Индию 1815—1822 гг., «Ди драй ланге винтернехт» («Три долгие зимние ночи», 1863) — описание природы Швеции, «Ди вистенай Захара» («Пустыня Сахара», 1868) — о скитаниях французского путешественника в 1828 г. и др.). Не менее представительную группу (16 из-

даний) составляют приключенческие истории, происходившие с еврейскими героями в разные исторические эпохи и в разных странах (например, «Юдис ди цвейте» («Юдифь Вторая», 1875) — о евреях Литвы в XVIII в., «Ди умвекслунг, одер ди ойсбайтунг» («Обмен», 1877) — о событиях времени Наполеона и др.).

Самую представительную группу (47 изданий) составляют произведения, в сюжетной основе которых лежит любовная история, причем большинство из них являются собой вариант буржуазного романа, когда герой в поисках счастья отправляется в чужие края, приобретает новые знания, профессию, новый жизненный опыт и просвещенных друзей, благодаря которым устраивает свое материальное и семейное благополучие. Например, герой повести «Ди шивим молтсайт» («Празднование семнадцатилетия», 1877) Тобиас Мозер, сын *меламеда из Межерича, решает покинуть родные места. От еврея-аптекаря он впервые узнает об идеях просветителя Мозеса Мендельсона³⁰, в ботаническом саду знакомится с польским дворянином, который помогает юноше поступить в университет, что открывает для него новые возможности, и в конце концов герой находит свою любовь — прекрасную дочь его компаньона. Подобные истории резко контрастировали с традиционными представлениями о благочестивых браках, заключаемых по воле родителей.

В своем творчестве А. М. Дик использовал разные жанры: классику на древнееврейском, библейские истории и светскую литературу, моралистические трактаты в стихах и прозе, молитвенники, народные истории, описания путешествий, пословицы, загадки, поговорки, бытовавшие в народе, но все это он адаптировал таким образом, чтобы сделать своих героев и место действия рассказов узнаваемыми и понятными простому читателю. Чаще всего это была Вильна и ее окрестности. В произведениях Дика Вильна обычно фигурирует под названием Линове, Линве, Олин или Яалон. Даже тогда, когда герои его произведений оказываются в Париже, Данциге, Гамбурге или Праге, описание этих городов неизбежно несет на себе отпечаток Вильны. Автор предисловия к двухтомному собранию избранных произведений Дика замечал: «Если кто-то захочет сравнить Дика и... Мопассана, он должен будет признать, что Дик столь же неразрывно связан с Вильной, как и Мопассан с Парижем... Все его истории и анекдоты пронизаны духом Вильны, духом виленских обывателей и различных городских происшествий... На этот город он смотрел как на „идише мелухе“ [еврейское государство], правда такое, которое должно... быть послушным русскому правительству»³¹. В своих книгах Дик сумел переработать множество легенд и историй, связанных с Вильной. Так, в его переложении была опубличована история «Герей цедек» о знаменитом виленском гере Аврахама бен Аврахама Потоцком, польском графе, перешедшем в иудаизм и принявшем мученическую смерть в 1749 г. (на древнееврейском книга вышла в 1862 г., на идише ее текст опубликован без указания даты). Д. Роскес обращает внимание на то, что сюжеты о Вильне, основанные на далеком по времени историческом материале, несут героико-романтическую окраску, в то время как недавнее прошлое и современность описываются сатирически.

История из далекого прошлого стала основой рассказа «Юдифь Вторая»³², повествующего о нравах жителей старого Вильно начала XVIII столетия, того сурового времени, когда дороги были плохи, в лесах водились дикие звери и хозяйничали банды разбойников, отчего всюду устраивались заставы, когда мелкие помещики безраздельно властвовали на своих землях. В отличие от невежественного окружения, еврейский квартал в описании Дика поражает своим благочес-

тием и трудолюбием. Писатель создает почти идиллическую картину того, как дружески общались между собой деловые евреи (купцы и держатели винных промыслов) с известными учеными мужами. Одним из таких уважаемых людей был Мордехай Троцки, арендовавший постоялый двор у городских ворот. В его шинке работала служанка Егудис, уроженка Вильно, девушка благочестивая, здоровая и красивая. Правда, как назидательно указывает автор своим читательницам, сама она не знала о своей красоте, поскольку зеркала в то время были редки. Егудис пекла хлеб, разносила его по лавкам, она была сильной и крепкой, сама могла вытолкать из шинка подгулявших гостей. Общаясь с посетителями, она выучилась польскому языку, и это, как узнает читатель из повествования, спасло ей жизнь. Однажды, когда был пойман главарь разбойничьей банды Латшинский и городские власти назначили день его казни, в шинке собралось множество людей. Ночью один из гостей заявил, что в суматохе забыл на площади свою сумку с документами и деньгами. Опасаясь недоброго, никто не отважился отправиться на поиски пропажи, и лишь Егудис за 16 гульденов — половина денег, которые надо было собрать на приданое, — согласилась пойти в город. Она заявила, что боится только Всевышнего и не верит в нечистую силу. Девушке удалось найти сумку, но на площади она столкнулась с разбойником, пытавшимся украсть с виселицы тело своего командира. Вскочив на лошадь разбойника, она спаслась от неминуемой гибели. Но испытания героини на этом не закончились: ей пришлось доказывать, что найденный по дороге чемодан с драгоценностями принадлежит не ей, а разбойникам, а затем даже спасти свою жизнь от одного из них, поклявшегося убить ее и завладеть драгоценностями. История заканчивается благополучно: все злодеи и предатели были пойманы, Егудис стала настоящей героиней в глазах горожан, подобно библейской Егудис (Юдифи). Автор сообщает, что помимо денежного вознаграждения ей было даровано право жить на христианских улицах, она заслужила уважение городских магнатов. Безусловно, бесстрашие героини было призвано служить примером для читательниц: ведь трудолюбивая девушка сама приобрела себе приданое, проявила находчивость и сумела противопоставить свое рациональное мышление страхам и предрассудкам. Таким образом, это повествование о далеком прошлом стало поводом для изложения просветительских идеалов.

И все же больше всего читателям полюбили остроумные описания эпизодов из обыденной жизни и рассказы о незадачливых героях-простаках, чье мировоззрение основано на традиционных представлениях, верованиях и предубеждениях. Обладая прекрасной памятью, писатель запечатлел многие забавные детали, подмеченные им в суждениях и поступках виленских обывателей. Именно в этом даре бытописания его творчество стало восприниматься как этап, предвещающий появление прозы классиков еврейской литературы: Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема. Пародирование и юмористический стиль стали средством борьбы с отжившими формами жизни. Писатель высмеивал традиционные еврейские занятия: шадхенов (сватов), канторов, меламедов (учителей); наставлял молодых девушек в том, чтобы они не сидели и не грустили до свадьбы, а учились чему-то полезному.

Современный израильский литературовед Дан Мирон в своих исследованиях, посвященных истории литературы Гаскалы, обращает внимание на двойственное отношение просветителей к фольклорным источникам³³. Несмотря на то, что их сатира была направлена против устаревших форм жизни, сами эти фор-

мы: народные представления и обычаи, верования, пословицы и поговорки, диалектные словечки и ругательства — стали богатейшим источником их литературного творчества. Ярким примером сознательного использования литераторами различных аспектов жизни традиционного еврейства для достижения своих художественных и просветительских целей служит сатира Дика «Реб Шмае, дер Гут-Йонтев-Битер» (1860). Как показывает Д. Мирон, весь сюжет этого рассказа построен на последовательной реализации анекдота, или серии анекдотических ситуаций. Например, свое прозвище незадачливый помощник кантора реб Шмае получает при следующих обстоятельствах. Приехав из маленького местечка на заработки в Линове (Вильну), он находит пристанище у зажиточного хозяина. В его доме Шмае увлеченно участвует в постройке сукки (шалаша) для празднования *Суккот, но истинной причиной его усердия была не столько сама ритуальная постройка, сколько обнаруженные на чердаке яблоки, за которыми герой и отправлялся каждый раз при постройке сукки. Когда гости хозяина уселись за праздничный стол, он вновь не устоял перед соблазном и решил отправиться за яблоками. Однако слабая постройка не выдержала, ветки надломились — и над головами сидящие увидели штаны реб Шмае, который, не растерявшись, в последний миг перед падением успел крикнуть приветствие: «*Гут йонтев!*» (Доброго праздника!). С тех пор его и прозвали *Гут-Йонтев-Битер*, т.е. горький. В этом рассказе реализуется пословица: «*Арайнгефалн ви а йовн ин суке*», т.е. буквально: свалился, как грек в шалаш, иными словами: как чужак, который не знает обычая и не сведущ в том, что сама постройка символическая³⁴. В дальнейшем повествовании этот герой, *шнорер* (попрошайка), живущий, как и его жена, за счет выполнения различных ритуальных действий — разгадывания снов, слежения за мукой во время приготовления к *Песаху, участия в свадебных и похоронных обрядах и т.п. — позволяет показать читателям основные аспекты народных представлений и суеверий. Конец жизни героя трагичен: он до конца своих дней вынужден нищенствовать на кладбище. Писатель-просветитель показывает, что этот печальный итог закономерен, поскольку в свое время герой отказался от обучения настоящему ремеслу.

Еврейское нищенство — особая тема в творчестве А. М. Дика. «...Каждый еврей — нищий, — замечал он в одном из своих рассказов. — Любой нееврей владеет или землей, или торговлей и так добывает себе хлеб. Если он умирает, то дети его наследуют его землю. Но у евреев нет земли, и если умирает отец — дети его идут нищенствовать». Так в завуалированной форме писатель излагал один из основополагающих идеалов Просвещения — призыв к земледельческому труду. В рассказе «Реб Менахем дер Швальцвальдер» он повествует о замечательной истории земледельца реб Менахема, снискавшего уважение в глазах правителя. Заключают этот рассказ строки: «Хотелось, чтобы эта история была полезна. Блажен тот, кто питается трудом своих рук. Блажен в этом мире и в грядущем». В рассказе «Иекеле Гольдшлегер» автор сообщает о путешествии английского купца, который в Вильне знакомится с одним из местных *маскилим*, человеком просвещенным и образованным, заботящимся о воспитании своих детей. Он дружит с христианами, помогает соседям. Правительство с одобрением смотрит на таких людей, видя в них вдохновляющий пример для подражания, который должны воспринять его соплеменники, над невежеством которых можно рыдать и смеяться. Их невежество проистекает от плохого образования, несуразных браков и занятий непроизводительным трудом.

Те же идеи читатель находит и в небольшой, вышедшей без указания имени автора книжечке «Евреи на Литве»³⁵ (1871), повествование которой делится на три части. В первой части рассказывается о благочестии и набожности американского колониста Абеля Вигхама, владельца большого земельного хозяйства в Луизиане. Автор подчеркивает, что не в пример тем, кто совсем не помнит обычаев своего народа, Абель стремится сохранять религиозные предписания, есть у него и кантор, и *миква; друзья уважительно называют его «американским Авромом Авину» (Авраамом). В его гостеприимном доме ведутся беседы о религии, политике, экономике, о еврейском обществе и о русских евреях. Однажды гости задаются вопросом о том, почему же «русские евреи отстали по своей цивилизованности» от своих французских, английских и американских собратьев. Вторая часть, самая объемная по размеру, представляет собой подробный рассказ Абеля о его прежней жизни в Литве, о бедности его отца-меламеда, о его горькой сиротской доле и полной неподготовленности к реальной жизни после долгих лет обучения в *хедере и *иешиве. В сущности, это рассказ о мытарствах неудачника-шлемиеля, попадающего в руки к не особенно добропорядочным людям, что напоминает историю реб Шмае и других героев-простаков. В третьей части гости обсуждают услышанное, пытаются понять, почему же русские евреи так плохо живут. Абель уверяет, что по натуре своей они богобоязненны и милосердны, жизнь их проста, патриархальна; все хорошее в их жизни связано с прошлым, а мысли о будущем полны веры в *Машиаха. Однако они отстали от цивилизованного мира, ведь их основное занятие — торговля, а ремесленники их обучены плохо, и нет среди них настоящих мастеров. К тому же практически нет мальчиков-подмастерьев, как это принято у христианских ремесленников, которые учатся ремеслу и помогают в работе, поскольку еврейские дети проводят все время в хедере, а к восемнадцати годам, когда они сами становятся отцами, они вынуждены осваивать ремесло, для того чтобы прокормить семью. Хотя в рассказе Абеля о годах его юности равнины и особенно хасидские лидеры часто предстают людьми упрямыми и невежественными, но, как уверяет рассказчик, в целом среди них много истинных ученых, заботящихся о благе общины. Беда в том, что они сведущи только в традиции и совсем не знают современную литературу и иностранные языки. Абель сочувствует их бедности, называет их «ортодоксами». Отвечая на вопрос о том, как живут женщины, рассказчик сетует на то, что они не владеют ремеслами, не умеют шить и прясть, однако он признает, что есть среди них и хорошие торговки, умело ведущие свое дело, дающее пропитание целому семейству. Рассказчик уверяет, что причины отсталости народа следует искать в истории, когда долгие столетия евреи жили под управлением поляков, с их шляхетством, стремящимся к роскоши и развлечениям, и зависимыми крестьянами, которые, хотя и тяжело работали, но были невежественны и склонны к пьянству. В заключение автор сообщал читателям о том, что гости Абеля Вигхама «были рады узнать, что русское правительство изыскивает все средства для того, чтобы цивилизовать еврейство... чтобы они не были позором этой страны». Нетрудно заметить, что вся эта книжка в завуалированной форме передает основополагающие идеи первого поколения *маскилим*, в том числе и их веру в помощь российской администрации в деле просвещения народа.

Благодаря подобным литературным приемам, основанным на использовании увлекательных сюжетов и сентиментальных историй, соединении юмора и сатиры с поучениями и наставлениями, обращению к выразительному народному языку и

фольклорным мотивам, а также стилизации под старые назидательные книги (*мусар-сфорим*), произведения А. М. Дика беспрепятственно и в огромном количестве экземпляров распространялись среди читающей публики. «Серьезные мужчины со снисходительной улыбкою смотрели на невинные забавы своих жен и дочерей, собиравшихся в субботние дни для чтения этих “шуточных рассказов”, но молодежь вскоре поняла, что автору этих рассказов не до шуток, и сделала из них надлежащие выводы»³⁶ (А. Паперна). Отметим, что произведения Дика были известны не только в местечках черты оседлости. Реубен Брайнин вспоминал, как однажды известный немецкий раввин д-р Еллинек показал ему в своей библиотеке рассказы Дика и заметил, что тот, кто захочет познакомиться с жизнью еврейских масс, должен прочитать незатейливые рассказы Дика. Согласно воспоминаниям Эфроима Дайнарда, книжки Дика были в библиотеке известнейшего еврейско-немецкого историографа еврейской литературы Леопольда Цунца, для которого они также были источником сведений о жизни восточноевропейского еврейства. О книгах Дика знали не только в Литве и Германии — из переписки самого Дика очевидно, что уже в 1860-е гг. он получал просьбы о присылке его изданий в Америку, Австралию, Страну Израиля и в другие страны³⁷. О популярности книг Дика сохранилось немало воспоминаний и высказываний еврейских писателей, среди которых можно привести и слова Шолом-Алейхема, считавшего Дика истинным мастером народной литературы. В 1888 г. в своей первой литературно-критической статье он писал: «Такие три великана, как Абрамович, Линецкий и Гольдфаден в Польше, а также Айзик Меир Дик в Литве, нашли в себе достаточно силы, чтобы поставить народный язык на ноги, перевести его из *, „Цеена у-Реена” и *, „Тайчхумеша” в живую литературу... Эти великие мужи создали новый язык, вселили европейский дух в старый жаргон, и читатели пришли массами!»³⁸

Следует отметить, что отношение Дика к разговорно-еврейскому языку — особая тема, ведь для него идиш так и остался «жаргоном», который писатель стремился «улучшить», обильно включая в свое повествование германизмы, что в дальнейшем подвергалось резкой критике³⁹. Вместе с тем он обладал особым чувством языка и в своих произведениях сумел передать его неповторимый колорит. С течением времени просветительские идеи, которым искренне служил писатель-просветитель, утратили свою привлекательность, следующие поколения еврейской интеллигенции кардинально пересмотрели постулаты Гаскалы, тем не менее до сих пор наиболее ценным в литературном наследии А. М. Дика признается его мастерство бытописателя, умение в деталях передать историко-бытовой фон ушедшей эпохи, глубокое знание еврейского фольклора, народных верований и представлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Weinreich M. Ayzik-Meir Dik // Weinreich M. Bilder fun der yidisher literatur geshilte. Vilna, 1928. P. 292—329.* (На идише); *Zinberg I. The beginning of the popular Yiddish literature of the Enlighteners // Zinberg I. A History of Jewish literature. N.Y., 1978. Vol. 12. P. 77—90; Roskies D. The master of lore: Isaac Meir Dik // Roskies D. A. Bridge of longing: A lost art of Yiddish storytelling. Cambridge (Mass.), 1995. P. 56—98.*

² *Roskies D. Op. cit. P.66.*

³ *Reizen Z. Ayzik Meir Dik // Leksikon fun der yidisher literatur. Vilne, 1927. Vol. 1. P. 711—726.* (На идише).

⁴ *Zinberg I. Op. cit. P. 78.*

- ⁵ *Kon P.* Ven iz Aysik Meir Dik geborn gevorn? // Filologishe shriftn fun YIVO. Vilne, 1928. № 2. P. 329—344. (На идише); *Niger Sh.* He-Avar. № 2. P. 140—142.
- ⁶ *Reizen Z.* Op. cit. P.711.
- ⁷ *Dik A. M.* Purim-shpigl // *Dik A. M.* Geklibene verk. N.Y., 1954. P. 209—230. (На идише).
- ⁸ *Dik A.M.* Di behole // *Dik A. M.* Geklibene verk. N.Y., 1954. P. 3—16. (На идише).
- ⁹ *Цинберг С. Л.* Полузабытый бытописатель // Арх. востоковедов. СПб. ф. ИВ РАН, ф. 86, оп. 1, ед. хр. 38, с. 6.
- ¹⁰ *Zitron S. L.* Dray literarishe doyses. Vilne, 1922. P. 13—14. (Здесь и далее перевод с идиша наш. — Г. Э.)
- ¹¹ *Паперна А. И.* Из николаевской эпохи // Евреи в России: XIX век / Сост. В. Е. Кельнер. М., 2000. С. 53.
- ¹² Там же. Сноска к с. 100.
- ¹³ *Цинберг С. Л.* Полузабытый бытописатель. С. 7.
- ¹⁴ *Roskies D.* The master of lore. P. 76, 362.
- ¹⁵ *Гесен Ю.* Из летописи минувшего: Борьба правительства с еврейской одеждой в империи и в Царстве Польском // Пережитое (СПб.). 1908. № 1. (Док. и сообщения). С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 15.
- ¹⁷ Монтефиоре, сэр Мозес (1784—1885) — британский финансист, общественный деятель, филантроп. Лидер английского еврейства с 1830-х гг. — *Ред.*
- ¹⁸ Этот доклад опубликован как приложение к книге Ш. Гинзбурга: *Matzav 'ir Vilna ba'itim ha'eleh // Ginsburg Sh.* Historishe verk. Vol. 2. P. 293—298. (Repr.).
- ¹⁹ *Паперна А. И.* Указ соч. С. 44—45.
- ²⁰ *Roskies D.* An annotated bibliography of Aysik Meir Dik // The field of Yiddish: Studies in language, folklore, and literature. 4th coll. / Ed. M. Herzog. Philadelphia, 1980. P. 117—184.
- ²¹ *Kon P.* A. M. Dik a lerer in der kroynisher shul far yidishe kinder in Vilne // YIVO-bleter. Vilne, 1932. № 3. P. 84—87. (На идише).
- ²² *Аграновский Г.* Еврейское книгопечатание в Вильне в 60—70-е гг. XIX столетия // Вестн. Евр. унта в Москве. 1994. № 1(5). С. 120.
- ²³ *Паперна А.* Указ соч. С. 44. (Сноска).
- ²⁴ Там же. С. 45 (сноска).
- ²⁵ Там же. С. 145—146.
- ²⁶ *Roskies D.* An annotated bibliography. P. 117—134, 176—177.
- ²⁷ Гомилетика (гр. «искусство вести беседу») — раздел богословия, рассматривающий теоретические и практические вопросы ведения проповеди. — *Ред.*
- ²⁸ Имеется в виду Нахманид Моисей (1194—1270) — еврейский средневековый теолог, философ и поэт; по профессии врач; разработал систему религиозного образования, включающую изучение философии. — *Ред.*
- ²⁹ Ибн Гебироль (латинизир. Авицеброн) Соломон (ок. 1021—1055 или 1070) — еврейский поэт и философ-неоплатоник; жил в Испании; основное сочинение — трактат «Источник жизни» (на арабском языке). — *Ред.*
- ³⁰ См. прим. 5 на с. 25.
- ³¹ *Kasel D.* Hakdome // A. M. Dik. Geklibene verk. Vilna, [S. a.] Vol. 1. P. VIII.
- ³² *Dik A. M.* Yehudis di zveite // *Dik A. M.* Geklibene verk. N.Y., 1954. P. 189—206.
- ³³ *Miron D.* Folklore and antifolklore in the Yiddish fiction of the Haskala // Studies in Jewish folklore. Cambridge (Mass.), 1980. P. 219—249.
- ³⁴ *Ibid.* P. 224—225.
- ³⁵ [Anon.] Di yidn in Lite. Vilne, 1871. 47 p.
- ³⁶ *Паперна А. И.* Указ соч. С. 44—45.
- ³⁷ *Niger Sh.* A. M. Dik (1814—1893): Biografishe notizn // A. M. Dik. Geklibene verk. N.Y., 1954. P. IX.
- ³⁸ Шолом-Алейхем. Суд над Шомером // Шолом-Алейхем. Собр. соч. М., 1961. Т. 6. С. 583.
- ³⁹ *Цинберг С. Л.* Жаргонная литература и ее читатели // Книжки «Восхода» (СПб.). 1903. № 3. С. 62—63.